

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ О. Е. КУТАФИНА (МГЮА)

С Е Р И Я « М А Г И С Т Р »

Т. Ю. ОРЕШКИНА

# ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ

Учебное пособие

*Ответственный редактор*  
доктор юридических наук, профессор,  
заслуженный деятель науки РФ  
**А. И. Рапог**



Татьяна Орешкина

**Обстоятельства, исключающие  
преступность деяния. Учебное  
пособие для магистрантов**

«Проспект»

## **Орешкина Т. Ю.**

Обстоятельства, исключаящие преступность деяния. Учебное пособие для магистрантов / Т. Ю. Орешкина — «Проспект»,

ISBN 978-5-39-218944-1

Учебное пособие подготовлено в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» (квалификация (степень) — магистр). Учебное пособие посвящено обстоятельствам, исключаящим преступность деяния, которые играют важную роль в отграничении преступлений от не являющегося преступным поведения человека, причиняющего разрешенный уголовным законом вред общественным отношениям. Четкое определение этих обстоятельств в законе и правильное их понимание следственной и судебной практикой служат гарантией реализации принципа законности. В работе анализируются законодательство, правоприменительная практика, научные концепции. Законодательство приводится по состоянию на апрель 2015 г. Пособие предназначено для студентов магистратуры Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), но может быть использовано аспирантами, преподавателями юридических учебных заведений, а также научными и практическими работниками.

ISBN 978-5-39-218944-1

© Орешкина Т. Ю.  
© Проспект

# Содержание

Т. Ю. Орешкина	5
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Т. Ю. Орешкина**  
**Обстоятельства, исключающие преступность деяния**  
*Учебное пособие*

*Ответственный редактор доктор юридических наук,  
профессор, заслуженный деятель науки РФА. И. Рарог*



[битая ссылка] [ebooks@prospekt.org](mailto:ebooks@prospekt.org)

# Глава 1

## Развитие института обстоятельств, исключаящих преступность деяния, в российском законодательстве

В современном виде институт обстоятельств, исключаящих преступность деяния, появился только в действующем Уголовном кодексе РФ, что стало результатом его формирования на протяжении веков. Необходимо отметить, что отношение отечественного законодателя к рассматриваемым обстоятельствам менялось неоднократно, их наименование в теории вызвало многочисленные споры, а законодательное закрепление группы норм в качестве предусматривающих обстоятельства, исключаящие преступность деяния, появилось относительно недавно.

Обратившись к истокам, следует признать, что самым древним обстоятельством в российском уголовном праве является необходимая оборона, положения о которой уходят в далекую историю. Первое упоминание о ней встречается в договоре Олега с Византией (X в.). Русская правда предусматривала уже ряд норм о защите жизни, здоровья, жилища, имущества путем причинения вреда посягающему, включая лишение жизни.

Затем, существенно видоизменяясь, необходимая оборона регламентировалась во всех исторических памятниках уголовного законодательства России. Так, в ст. 200 гл. XX Соборного уложения 1649 г. было предусмотрено, что причинение смерти посягающему человеком, который оборонял себя и свое жилище, «в вину ему не ставить», т. е. такое деяние не признавалось виновным. Вместе с тем будет некоторым преувеличением утверждать, как это делают некоторые авторы, что в эту эпоху оборона воспринималась как естественное право человека<sup>1</sup>, поскольку озабоченность естественными правами человека Средневековью вряд ли свойственна. Представляется, что оборона рассматривалась скорее как возможная (а иногда и обязательная) реакция на опасные действия другого лица, пресекающая их путем причинения вреда этому лицу.

Предусматривался даже такой частный случай обороны – причинение смерти или нанесение ранений нападавшему, осуществленное во время заседания суда. Согласно ст. 105 гл. X Уложения, такое деяние признавалось ненаказуемым. В ст. 88 гл. XXI Уложения предусматривалась возможность причинения смерти вору, застигнутому с поличным в жилище. Кроме того, эта статья содержала и положение, разрешающее причинить смерть вору во время погони за ним, но только в случае оказания им сопротивления. При этом оборонявшийся должен был оказать помощь правосудию – сообщить о случившемся окольным и доставить раненого в ходе обороны вора или его труп в приказ. В ст. 16 гл. XXII Уложения предусматривалась обязанность слуг осуществить защиту своей госпожи в случае проникновения в жилище и попытки насилия над ней, а в ст. 21 этой же главы указывалось на то, что причинение смерти либо нанесение ранений посягающему при защите своего господина в вину зависимому человеку не ставится. Это свидетельствует о том, что Уложением предусматривалась не только самооборона, но и возможность (а в некоторых случаях и обязанность) осуществления обороны при защите другого лица.

Многолетнюю историю, начавшуюся с Уложения 1649 г., имеют и положения о крайней необходимости (правда, этот термин был неизвестен законодательству того времени). В ст. 283 Уложения предусмотрена норма об отсутствии вины у человека, который, отбиваясь без огнестрельного оружия от напавшей на него собаки, причинит ей смерть.

Воинские артикулы Петра I 1715 г. предусматривали положения о «крайней нужде», исполнении приказа, «нужном оборонении».

Подробно «крайняя нужда» (крайняя необходимость) регламентировалась в артикулах 123, 180 и 195 Воинского артикула Петра I. Так, в толковании к артикулу 195 предусматривались смягчение наказания или его неприменение в случаях, если кто-либо из крайней голодной нужды, которую он сможет доказать, «съестное или питейное или иное невеликой цены украдет».

Воинский артикул регламентировал положения об обязательности приказа с требованием беспрекословного, без каких-либо рассуждений и сомнений подчинения. Согласно толкованию к артикулу 29, подчиненный должен дать ответ только о том, как он «повеленное» исполнил, следовательно, за действия, совершенные во исполнение приказа, отвечал начальник, а подчиненный должен был повиноваться.

Несколько статей Воинского артикула детально регламентировали необходимую оборону («нужное оборонение»), существенно ограничив возможности ее осуществления по сравнению с Соборным уложением 1649 г. Основанием для обороны признавалось насильственное нападение, а действия обороняющегося жестко регламентировались: ему следовало попытаться уклониться от нападения либо прибегнуть к помощи начальника. Требовалось соответствие действий обороняющегося опасности нападения, а также равенство в используемых средствах нападения и обороны. В толковании артикула 157 содержится положение о том, что по общему правилу обороняться нужно таким же образом, каким совершается нападение: если нападение совершается с оружием, то можно обороняться с оружием. Однако в случае невооруженного нападения защита с оружием все же признается возможной, если нападающий бьет сильнее, чем обороняющийся. Определялись и пределы «нужного оборонения» во времени, в качестве начального момента указывалось не только начало нападения, но и момент, когда возникает опасность для жизни обороняющегося и ему уже невозможно спастись бегством.

Характерно, что данные нормативные положения содержались в статьях, посвященных отдельным видам преступлений, они были изъятиями из виновности или наказуемости того или иного деяния. Общей части уголовного закона еще не существовало, чем была с неизбежностью обусловлена фрагментарность рассматриваемых положений.

Выделение Общей части уголовного законодательства было осуществлено впервые только в Своде законов Российской империи, вступившем в силу в 1835 г. В т. XV Свода законов со ссылками на Соборное уложение и Воинский устав предусматривались положения об обороне, а также о насильственном принуждении.

Дальнейшее развитие норм о рассматриваемых обстоятельствах произошло в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в ст. 98 которого дан перечень «Обстоятельств, при коих содеянное не вменяется в вину», в их число (наряду с невиновностью, малолетством, безумием, ошибкой случайной или вследствие обмана) входили принуждение от превосходящей силы и необходимая оборона. Принуждение от превосходящей силы напоминает современную крайнюю необходимость. В норме о необходимой обороне указывались подлежащие охране интересы как обороняющегося, так и других лиц (жизнь, здоровье, честь и целомудрие женщин, неприкосновенность жилища, имущество). Таким образом, Уложением было закреплено отнесение рассматриваемых норм к положениям Общей части уголовного законодательства в качестве обстоятельств, исключаящих вменение в вину.

Уголовным уложением 1903 г. был осуществлен качественный прорыв в развитии обстоятельств, исключаящих преступность деяния, отразивший системный подход, результатом которого стало появление самостоятельного института Общей части. В ст. 44–46 Уложения были предусмотрены положения о деяниях, которые «не почитаются преступными», эта позиция законодателя воспринимается как более последовательная, поскольку устранялись не только вменение в вину, наказуемость, но и преступность деяний.

Согласно ст. 44 Уложения, «не почиталось преступным» деяние, совершенное во исполнение закона, и деяние, совершенное во исполнение приказа по службе. По сути, в ней преду-

смагивались два обстоятельства: исполнение закона и исполнение приказа. Первое из них не расшифровывалось, а относительно приказа условия правомерности были сформулированы достаточно четко: приказ по службе отдан «подлежащей властью в пределах ее ведомства с соблюдением установленных правил»; приказ не предписывал явно преступного.

В ст. 45 Уложения регламентировалась необходимая оборона, которая допускалась против незаконного посягательства на личные или имущественные блага самого защищавшегося или другого лица, т. е. была дана обобщенная характеристика защищаемых интересов. В ч. 2 этой статьи содержались положения о двух видах превышения пределов необходимой обороны (чрезмерной и несвоевременной), предусматривалось, что они влекут наказание только в случаях, особо указанных в законе. Отметим, что с современных позиций не может быть превышения пределов необходимой обороны в связи с ее несвоевременностью, поскольку отсутствует наличие посягательства, выступающая в качестве одного из обязательных условий правомерности причинения вреда.

Согласно ч. 1 ст. 46 Уложения, не признавалось преступным деяние, совершенное для спасения собственной жизни или жизни другого лица от опасности, которая произошла вследствие угрозы, незаконного принуждения или иной причины и которая «была неотвратима в то самое время другим средством». В данном положении, по сути, объединялись принуждение и крайняя необходимость, что представляется правильным: преодолимое принуждение логично рассматривать в качестве одного из источников опасности при крайней необходимости. Следует отметить, что при неотвратимой опасности для жизни пределы причинения вреда Уложением не устанавливались.

В ч. 2 ст. 46 Уложения предусматривалось положение о «неотвратимой в то самое время другим средством опасности», исходящей из тех же источников, но грозящей иным интересам: здоровью, свободе, иному личному или имущественному благу данного или другого лица. Правомерным признавалось только деяние, если совершившее его лицо имело достаточное основание считать причиняемый вред маловажным сравнительно с охраняемым благом, т. е. устанавливались жесткие пределы в отношении причиненного при крайней необходимости вреда.

Нормы Общей части, регламентировавшие рассматриваемый институт, дополнялись положениями Особенной части. Так, в гл. 7 «О противодействии правосудию» предусматривались обстоятельства, при наличии которых лицо, совершившее преступное деяние, не подлежало наказанию. Эти положения содержались в ст. 170 Уложения и распространялись, в частности, на случаи укрывательства лица, совершившего тяжкое преступление, если в его совершении участвовал сам укрыватель или член его семьи. Указанные положения, содержащиеся в Особенной части Уложения 1903 г., Н. С. Таганцев считал уничтожающими преступность и относящимися к отдельным преступным деяниям и поэтому подлежащими разбору только при рассмотрении этих деяний<sup>2</sup>.

Советской властью прежний нормативный опыт воспринимался отрицательно, поэтому декларировался отказ от его продолжения и развития. Достижения Уголовного уложения 1903 г. были забыты. Длительный период в уголовном законодательстве предусматривались либо только необходимая оборона, либо необходимая оборона и крайняя необходимость, к тому же нормы, регламентировавшие их, были далеко не безупречны. Весьма ярко это проявилось в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г., закрепленных постановлением Народного комиссариата юстиции от 12 декабря 1919 г. (СУ; 1919; № 66), в которых содержались положения о необходимой обороне, понимаемой узко (защита от насилия), а другие обстоятельства не предусматривались. Необходимая оборона была определена в ст. 15 разд. III «О преступлении и наказании» этого акта как обстоятельство, исключаящее наказание лица, совершившего насилие над личностью нападающего, если это было необходимым средством отражения насилия и защиты личности этого человека либо других лиц при отсутствии превышения меры необходимой обороны. Следовательно, вместо имевшего место в Уложении

1903 г. признания непроступности деяния при необходимой обороне предусмотрено исключение наказуемости этого деяния. Такая законодательная формулировка данной статьи Руководящих начал, как полагает С. В. Пархоменко, перевела решение вопроса «из сферы законодательной в сферу применения права»<sup>3</sup>. Думается, что приведенный вывод не совсем точен, поскольку исключение наказания было предусмотрено законом, т. е. оставалось в сфере законодательной.

Оценка необходимой обороны в качестве обстоятельства, исключающего наказание, содержалась и в ст. 19 Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. Правда, в этом нормативном правовом акте основание необходимой обороны было шире, оно не сводилось только к насилию над личностью, а формулировалось как посягательство на личность или права обороняющегося или других лиц. В ст. 20 УК РСФСР 1922 г. предусматривалось положение о вынужденном причинении вреда при неотвратимой опасности (по современной терминологии – крайней необходимости). Законом регламентировались ее основания и условия ненаказуемости причиненного вреда: опасность, которая была неотвратима при данных обстоятельствах иными средствами, если причиненный вред является менее важным по сравнению с охраняемым благом. Целью деяния было спасение жизни, здоровья или иного личного или имущественного блага своего или другого лица. Обращает на себя внимание нелогичность формулировок, содержащихся в ст. 19 и 20 УК РСФСР: деяния, совершенные в ситуации необходимой обороны и крайней необходимости, признавались уголовно наказуемыми и одновременно с этим не подлежащими наказанию.

Убийство и причинение тяжкого телесного повреждения при превышении пределов необходимой обороны предусматривались ст. 145 и 152 УК РСФСР 1922 г. в качестве преступлений, влекущих значительно более мягкое наказание, т. е. были сформулированы привилегированные составы. Этими же статьями вместе с превышением пределов необходимой обороны предусматривались преступления, совершенные при превышении мер, необходимых для задержания преступника. При этом Общая часть не содержала какого-либо самостоятельного положения о причинении вреда лицу при его задержании, совершенном без превышения необходимых мер. Таким образом, по сути, происходило приравнивание вреда при задержании преступника к необходимой обороне.

Своеобразием характеризовался подход законодателя к необходимой обороне и неотвратимой опасности (крайней необходимости) в УК РСФСР 1926 г. В ч. 1 ст. 13<sup>2</sup> этого кодекса предусматривалось положение о неприменении мер социальной защиты судебно-исправительного характера к лицам, совершившим общественно опасные действия в состоянии необходимой обороны. По сравнению с УК РСФСР 1922 г. основание для необходимой обороны формулировалось шире за счет указания на посягательства на советскую власть и революционный порядок, которые были включены наряду с посягательством на личность обороняющегося или другого лица.

Положение о крайней необходимости было сформулировано в ч. 2 ст. 13<sup>2</sup> УК РСФСР 1926 г., в которой предусматривалось, что меры социальной защиты судебно-исправительного характера не применяются за общественно опасные действия, совершенные для «отвращения опасности», неотвратимой при данных обстоятельствах другими средствами, если причиненный вред меньше предотвращенного.

Таким образом, действия при необходимой обороне и крайней необходимости признавались общественно опасными, но исключаящими применение мер социальной защиты.

Иным был подход, осуществленный Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г., которые ознаменовали серьезный поворот к гуманизму в области законотворчества. Принципиальное положение, согласно которому «не является преступлением причинение вреда», закрепленное в них, как представляется, было воспринято из Уголовного уложения 1903 г. В ст. 13 Основ предусматривалось, что не является преступлением

действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения вреда посягающему, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны (явного несоответствия защиты характеру и опасности посягательства).

Такая редакция нормы о необходимой обороне воспроизводилась в ст. 13 УК РСФСР 1960 г. Однако позднее (в 1994 г.) данная статья была изложена в новой редакции, в которой содержалось указание на право каждого на защиту своих прав и законных интересов, прав и законных интересов другого лица, общества, государства от общественно опасного посягательства независимо от возможности избежать посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. Правомерной признавалась защита путем причинения любого вреда посягающему, если нападение было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Защита от иного нападения считалась правомерной, если не превышены пределы необходимой обороны. Эта редакция ст. 13 УК РСФСР 1960 г. ограничила основания необходимой обороны совершением нападений по сравнению с первоначальной редакцией, содержавшей указание на оборону от общественно опасного посягательства.

В ст. 14 УК РСФСР 1960 г. предусматривалось положение, согласно которому не является преступным деяние, совершенное в состоянии крайней необходимости. Нормы о задержании лица, совершившего преступление, в УК РСФСР не содержалось, но судебная практика приравнивала вред, причиненный в такой ситуации, к необходимой обороне. Характерно, что п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16 августа 1984 г. № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств» сформулировал положение о приравнивании вреда, причиненного при задержании лица, совершившего преступление, к необходимой обороне<sup>4</sup>. Своеобразие ситуации с этим обстоятельством заключалось также и в том, что оценка задержания преступника с причинением ему вреда как правомерных действий была дана в ст. 16 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. «Об усилении ответственности за хулиганство», в которой содержалось следующее положение: «Действия граждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, являются правомерными и не влекут уголовной или иной ответственности, даже если этими действиями вынужденно был причинен вред преступнику»<sup>5</sup>. Правильность такого объединения двух обстоятельств, одно из которых не было предусмотрено УК РСФСР, сомнительна, поскольку нивелированы были различия между необходимой обороной и задержанием. Вместе с тем задержание характеризуется вынужденностью причинения вреда и имеет больше сходства с крайней необходимостью, чем с необходимой обороной.

В Особенной части УК РСФСР предусматривались привилегированные виды убийства и причинения тяжких либо менее тяжких телесных повреждений при превышении пределов необходимой обороны.

Постсоветский период начался с Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик 1991 г., которые не вступили в силу в связи с распадом Союза ССР, но внесли серьезный вклад в совершенствование многих уголовно-правовых институтов, в том числе и в анализируемой области. Нормы о рассматриваемых обстоятельствах впервые были включены в самостоятельный раздел III Основ, который назывался «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния». В нем наряду с необходимой обороной и крайней необходимостью появились оправданный профессиональный и хозяйственный риск, а также задержание лица, совершившего преступление. Положение об исключении преступности деяния Основы 1991 г. восприняли из Основ 1958 г., которые, в свою очередь, были унаследованы из Уголовного уложения 1903 г.

Причем все эти обстоятельства были обособлены в самостоятельный институт Общей части. В ст. 24 Основ подчеркивалось принципиальное положение, согласно которому необходимая оборона является правом граждан, а все остальные статьи раздела начинались со слов «Не является преступлением действие».

Действующий УК РФ 1996 г. во многом использовал накопленный исторический опыт, опирался на положения Основ 1991 г., предусмотрев в самостоятельной главе Общей части положения об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Но явно были продолжены и тенденции относительно обстоятельств, исключающих преступность деяния, воплотившиеся в Уложении 1903 г. И в этом плане следует полностью согласиться с мнением В. И. Михайлова о том, что обращение к положениям Уложения 1903 г. имеет важное значение для уяснения норм УК РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния<sup>6</sup>.

Обстоятельства предусмотрены и в Особенной части УК РФ (примечания к ст. 151, 230, 308, 316 и 322 УК РФ). Они дополняют положения гл. 8 Общей части, обеспечивая более полную реализацию гарантий прав человека, закрепленных в Конституции РФ.

Из всех обстоятельств, предусмотренных гл. 8 УК РФ, наиболее значимый вклад в противодействие общественно опасным деяниям вносит необходимая оборона. Раскрытие данного обстоятельства с позиции естественного права человека последовательно реализовано в действующем законе. Неудивительно, что норма об этом обстоятельстве неоднократно привлекала внимание законодателя, а текст ст. 37 УК РФ изменялся и дополнялся несколько раз. Так, Федеральный закон от 14 марта 2002 г. № 29-ФЗ предусмотрел редакцию ст. 37 УК РФ, которая почти дословно воспроизводит ст. 13 УК РСФСР в редакции Федерального закона от 7 июля 1994 г. Согласно ч. 1 ст. 37 УК РФ, при посягательстве, сопряженном с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, превышение пределов необходимой обороны законом не предусмотрено. Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ ст. 37 УК РФ была дополнена ч. 2<sup>1</sup>, положения которой способствуют учету возможного воздействия неожиданности посягательства, вследствие чего обороняющийся не может объективно оценить характер и степень опасности нападения. Федеральным законом от 14 марта 2006 г. № 153-ФЗ предусмотрел изменение редакции ч. 3 ст. 37 УК РФ, в которой ранее содержалось указание на право на необходимую оборону независимо от профессиональной или специальной подготовки или служебного положения, возможности избежать посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. В новой редакции ч. 3 указанной статьи предусмотрено, что положения данной статьи в равной мере распространяются на всех лиц независимо от профессиональной или специальной подготовки или служебного положения, возможности избежать посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. Такая редакция позволяет сделать вывод, что выдвигать в отношении каких-либо категорий лиц дополнительные требования, оценивая правомерность причинения вреда, недопустимо. Эти изменения были направлены на то, чтобы предоставить дополнительные гарантии любому человеку (в том числе и сотруднику полиции), пресекающему общественно опасное посягательство.

Краткий анализ исторического развития отечественного законодательства свидетельствует о том, что институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, появился не сразу. Сначала законом предусматривались отдельные положения, связанные с исключением виновности либо наказуемости определенных деяний. С появлением в уголовном законодательстве Общей части в дореволюционный период начался этап формирования правового института в современном смысле слова, наиболее значимой вехой на этом пути явилось Уложение 1903 г., указывающее на исключение преступности поведения при анализируемых обстоятельствах. В советский период сначала произошел отказ от предшествующего законодательного опыта, а необходимая оборона и крайняя трактовались как обстоятельства, исключаящие наказание. С принятием Основ 1958 г. наметился перелом в отношении законодателя к рас-

смаатриваемым обстоятельствам, и они вновь стали оцениваться в качестве исключающих преступность деяния. В современный период развитие института обстоятельств продолжилось, и в УК РФ содержится самостоятельная глава 8, посвященная обстоятельствам, исключающим преступность деяния.

## Глава 2

### Обстоятельства, смежные с обстоятельствами, исключающими преступность деяния

#### § 1. Обстоятельства, исключаящие преступность и иную противоправность деяния. Взаимодействие отраслей права

Проблема взаимодействия уголовного права с иными отраслями права актуальна не только в сфере взаимодополнения и разграничения нормативных положений, определяющих преступное и иное противоправное поведение человека, интерес представляет также и межотраслевое регулирование института обстоятельств, исключающих преступность или иную противоправность деяния, и в первую очередь сопоставление положений гражданского, административного и уголовного законодательства в указанной сфере.

Так, в ст. 12 ГК РФ среди способов защиты гражданских прав названа самозащита. Согласно ст. 14 ГК РФ, способы самозащиты должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Самозащита гражданских прав, выражающаяся в необходимой обороне и крайней необходимости, осуществляется самостоятельными действиями управомоченного субъекта без обращения в суд или иной орган, обеспечивающий защиту прав граждан.

Как представляется, самозащита гражданских прав в определенном смысле шире обстоятельств, исключающих преступность деяния, поскольку она может применяться в том числе и при уже нарушенном праве. Так, самозащита гражданских прав возможна в качестве действий, направленных не только на прекращение «наличествующего (длящегося) и действительного гражданского правонарушения, но и на уменьшение его вредоносных последствий»<sup>7</sup>. Поэтому в число мер самозащиты гражданских прав (наряду с необходимой обороной и крайней необходимостью) входит удержание имущества, предусмотренное ст. 359 и 360 ГК РФ. Закон относит его к способам обеспечения исполнения обязательств. В общегражданских отношениях можно удерживать вещь должника для того, чтобы побудить его исполнить обязательство, связанное с этой вещью, например требование компенсации расходов на содержание найденной собаки с ее хозяев в качестве условия ее возвращения, удержание готовой вещи подрядчиком для обеспечения оплаты заказчиком произведенной работы. В предпринимательских отношениях удержание может применяться более широко. Так, можно удерживать вещь, даже если она не связана с неисполняемым должником обязательством.

Положения о необходимой обороне, содержащиеся в ГК РФ, как представляется, в определенной степени могут восприниматься в качестве вторичных, дополняющих УК и характеризующих отсутствие обязанности возместить причиненный вред. Они имеют самостоятельное значение только в случае причинения относительно небольшого вреда, не схожего с каким-либо преступлением. Например, необходимая оборона, повлекшая причинение незначительного имущественного ущерба посягавшему (была порвана одежда), не имеет даже внешнего соответствия с умышленным уничтожением или повреждением чужого имущества, а следовательно, правомерность действий по причинению вреда в этом случае вытекает из положений ст. 1066 ГК. Однако поскольку основание и условия правомерности причинения вреда при необходимой обороне в ГК РФ не раскрыты, то даже при такой ситуации для оценки параметров данного обстоятельства надо обратиться к положениям ст. 37 УК РФ. Если же при необходимой обороне причиняется вред, внешне напоминающий признаки какого-либо преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, вывод о правомерности поведения лица, причинившего вред, должен полностью основываться на положениях ст. 37 УК РФ. При этом необходимо учитывать, что, согласно ст. 1066 ГК РФ, вред, причиненный в состоянии необ-

ходимой обороны, не подлежит возмещению, а вред, причиненный при превышении пределов крайней необходимости, должен возмещаться на общих основаниях.

Крайняя необходимость в ст. 1067 ГК РФ определяется как причинение вреда для устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если опасность при данных обстоятельствах не может быть устранена иными средствами. При сопоставлении приведенного определения с понятием, содержащимся в ст. 39 УК РФ, видно, что между ними имеются существенные различия. В УК РФ речь идет о непосредственной опасности не только интересам личности и правам данного лица и других лиц, но также и охраняемым законом интересам общества и государства, следовательно, сфера интересов, подлежащих защите, шире.

Помимо этого, ГК РФ (в отличие от УК РФ) не содержит указания на необходимость определенного соответствия между причиненным и предотвращенным вредом, поэтому в нем отсутствует понятие превышения пределов крайней необходимости. Такой подход обусловлен тем, что по общему правилу причиненный при крайней необходимости вред порождает обязательство по его возмещению. Вместе с тем, учитывая обстоятельства, при которых был причинен такой вред, суд может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинитель вреда, или освободить его полностью или частично от возмещения вреда. Указание на учет обстоятельств причинения вреда при принятии решения судом носит весьма общий характер и не расшифровывается в ст. 1067 ГК РФ. В этом плане полезно обратиться к положениям ст. 39 УК РФ о крайней необходимости. Основным критерием, позволяющим принять принципиальное решение о возмещении вреда или освобождении от него, мог бы стать вывод о превышении пределов крайней необходимости или о его отсутствии.

В ст. 2.7 КоАП РФ дана формулировка крайней необходимости, сходная с содержащейся в ст. 39 УК РФ. Основание, условия правомерности причинения вреда, параметры причиненного вреда по отношению к предотвращенному (менее значительный, чем предотвращенный), правовая характеристика такого вреда как не являющегося административным правонарушением – все это соотносится с положениями УК РФ. Такое совпадение положений УК РФ и КоАП РФ в отношении одного обстоятельства, их максимальное соответствие друг другу воспринимается как весьма удачное, позволяющее избежать противоречий и пробелов в правовом регулировании, обеспечить преемственность отраслей права. Так, если причиненный вред внешне схож с преступлением, но лицо вынужденно пожертвовало меньшим благом для спасения большего блага, при правовой оценке ситуации применяются положения ст. 39 УК РФ, если же вред совпадает с признаками административного правонарушения, действует ст. 2.7 КоАП РФ. Кстати, вынужденное причинение вреда, схожего с административным правонарушением, но не являющегося таковым в силу крайней необходимости, достаточно распространено. Такое причинение вреда чаще всего внешне совпадает с признаками уничтожения чужого имущества, экологическими правонарушениями, но оно не признается административным правонарушением и не влечет административной ответственности. На возмещение причиненного вреда распространяются положения ст. 1067 ГК РФ.

Действующий КоАП РФ отказался от положений о необходимой обороне, которые содержались в КоАП РСФСР. Эта позиция представляется правильной, поскольку установить внешнее соответствие между причиненным в состоянии необходимой обороны вредом и административным правонарушением даже теоретически сложно. Физический вред, причиняемый посягающему, совпадает не с правонарушением, а с каким-либо преступлением против личности, имущественный же ущерб при отсутствии сходства с преступлением против собственности может оцениваться в соответствии с положениями ст. 1066 ГК.

В настоящее время ряд федеральных законов, упоминая об обстоятельствах, исключających преступность деяния, не раскрывают их оснований, условий правомерности причинения

вреда и тем самым отсылают к нормам УК РФ. Так, в ч. 3 ст. 18 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» указывается на то, что сотрудник полиции в состоянии необходимой обороны, в случае крайней необходимости или при задержании лица, совершившего преступление, при отсутствии у него необходимых специальных средств или огнестрельного оружия вправе использовать любые подручные средства, применять не состоящее на вооружении полиции оружие. Таким образом, право на причинение вреда сотрудниками полиции в таких ситуациях не ограничено дополнительными специальными требованиями профессионального характера и определяется с учетом положений ст. 37, 38 и 39 УК РФ.

В ст. 22 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» следующим образом определяется понятие правомерного причинения вреда: «Лишение жизни лица, совершающего террористический акт, а также причинение вреда здоровью или имуществу такого лица либо иным охраняемым законом интересам личности, общества или государства при пресечении террористического акта либо осуществлении иных мероприятий по борьбе с терроризмом действиями, предписываемыми или разрешенными законодательством Российской Федерации, являются правомерными». При применении этих положений необходимо обратиться к нормам об обстоятельствах, исключаящих преступность деяния, предусмотренным ст. 37–42 УК РФ.

В Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» прямого указания на обстоятельства, исключаящие преступность деяния, не содержится, но из законодательной характеристики ряда оперативных мероприятий вытекает, что ограничение прав человека и гражданина, связанное с этими мероприятиями и основанное на принципе законности, в значительной степени должно опираться на норму УК РФ о крайней необходимости. Помимо этого, могут иметь значение и предусмотренные уголовным законом положения об обоснованном риске<sup>8</sup>.

Анализ норм иной отраслевой принадлежности свидетельствует, что в целом система обстоятельств, содержащаяся в УК РФ, по сравнению с иными отраслями права является наиболее разработанной, подробно и четко регламентированной. Она призвана играть главенствующую роль в межотраслевом взаимодействии норм о сходных обстоятельствах. Нормативные положения иных отраслей права не должны содержать более жестких требований к определенным категориям лиц, чем это предусмотрено уголовным законом.

## **§ 2. Обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность**

В действующем уголовном законе обстоятельствам, исключаящим преступность деяния, посвящена самостоятельная глава 8. Наряду с этим в нем содержится еще ряд обстоятельств, в связи с которыми уголовная ответственность лица исключается, а его деяние нельзя признать преступлением. Таковыми являются, например, малозначительность деяния, невменяемость, невиновное причинение вреда и т. п. В связи с этим А. А. Тер-Акопов отмечал возможность выделения в Общей части УК РФ двух групп обстоятельств, исключаящих преступность деяния<sup>9</sup>. Однако только обстоятельствам, нормативное описание которых включено в гл. 8 УК РФ, законодатель присвоил это наименование<sup>10</sup>.

Предусмотренные Общей частью уголовного закона обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность и находящиеся за пределами гл. 8 УК РФ, представляют собой разнообразные обстоятельства, в связи с которыми отсутствует один из признаков преступления либо какой-либо признак (признаки) состава преступления. Совокупность всех признаков состава и уголовная противоправность деяния взаимосвязаны, хотя и далеко не тождественны, и при отсутствии даже одного признака состава нельзя говорить об уголовной противоправности деяния. Поэтому при невменяемости или недостижении возраста уголовной ответственности лицо, например, причинившее смерть другому человеку, совершает не преступление, а общественно опасное деяние. В доктрине преобладает мнение о том, что указанные обстоя-

тельства следует именовать основаниями (или обстоятельствами), исключающими уголовную ответственность<sup>11</sup>, а некоторые из них – обстоятельствами, исключающими виновность деяния<sup>12</sup>. Термин «обстоятельства, исключающие уголовную ответственность» можно рассматривать в качестве удачного, поскольку он позволяет точнее обозначить своеобразие указанной группы обстоятельств. Видами таких обстоятельств в Общей части УК РФ следует признать недостижение возраста уголовной ответственности, невменяемость, невиновное причинение вреда, добровольный отказ от преступления, приготовление к преступлениям небольшой или средней тяжести, малозначительность деяния.

Эти обстоятельства нельзя объединять с освобождением от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, а также другими видами освобождения от уголовной ответственности. Так, давность уголовной ответственности применяется при отсутствии своевременного реагирования правоохранительных органов на совершенное преступление, если истекли предусмотренные законом сроки со дня совершения преступления и лицо не уклонялось от следствия и суда. Вместе с тем при обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность, совершенное деяние не признается преступлением и нет основания для уголовной ответственности. При добровольном отказе, например, в совершенном деянии нет признаков состава преступления (нет ни состава неоконченного, ни состава оконченного преступления), т. е. отсутствует основание уголовной ответственности. Малозначительность означает, что отсутствует такой признак преступления, как общественная опасность, и действие или бездействие лишь формально содержит признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, и в силу прямого указания, содержащегося в ч. 2 ст. 14 УК РФ, не является преступлением.

В уголовном законе нет специального перечня, который содержал бы указание на все обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, но при анализе положений его Общей части можно со всей очевидностью утверждать, что к таковым относится широкий круг ситуаций. Они не имеют общего определения в законе, четко выраженной системы, расположены в разных разделах и главах УК РФ, входят в разные институты, из которых их невозможно вычленивать и сосредоточить в одной главе Общей части УК РФ. Так, добровольный отказ законодателем обоснованно рассматривается в контексте неоконченного преступления как поведение человека, который добровольно и окончательно прекратил приготовление либо деяние, непосредственно направленное на совершение преступления, осознавая возможность доведения преступления до конца. Невменяемость и недостижение возраста уголовной ответственности невозможно оторвать от характеристики субъекта, невиновное причинение вреда является компонентом института вины. Это обусловлено тем, что все они содержат негативные признаки, свидетельствующие в одних случаях об отсутствии субъекта преступления, а в других – об отсутствии вины. Однако при содержательной разобщенности таких обстоятельств, их принадлежности к разным институтам уголовного законодательства имеется объединяющее их правовое последствие – исключение уголовной ответственности лица.

Важно учитывать, что при невменяемости, недостижении возраста уголовной ответственности, невиновном причинении и иных перечисленных выше обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность, деяние (за исключением малозначительности и добровольного отказа) характеризуется общественной опасностью. Именно признак общественной опасности таких деяний и отсутствие правомерности причинения вреда демонстрируют их наиболее яркое отличие от поведения при обстоятельствах, предусмотренных гл. 8 УК РФ. Вместе с тем в доктрине предлагается все эти обстоятельства и положения гл. 8 УК РФ рассматривать с позиции единой группы обстоятельств, исключающих уголовную ответственность. При этом высказывается мнение о бесполезности акцентирования внимания на своеобразии социальной сущности поведения при двух указанных группах обстоятельств, поскольку их объединяет

общее правовое последствие – «невозможность наступления уголовной ответственности»<sup>13</sup>. Правильность такого подхода вызывает сомнение, поскольку социальная характеристика поведения далеко не безразлична отечественному уголовному законодательству и праву, на ее основе создано формально-материальное понятие преступления, она входит в понятие деяния, последствий, форм вины, учитывается при назначении наказания, освобождении от уголовной ответственности и наказания и т. п. Именно социальные свойства деяния позволяют законодателю предусмотреть определенные виды разрешенного причинения вреда, объединив их на этом основании в гл. 8 УК РФ. Более того, возможно только символическое, чисто доктринальное и весьма спорное объединение обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, в одну группу, поглощающую и обстоятельства, предусмотренные гл. 8 УК РФ.

Помимо этого, даже теоретическое объединение указанных групп обстоятельств в одно целое порождает неразрешимое противоречие между сложившимся подходом законодателя к нарушению условий правомерности причинения вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, и полной его неприменимостью к иным обстоятельствам. Невозможно даже поставить вопрос о таком нарушении условий при невменяемости или малолетстве, а равно и при иных обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность<sup>14</sup>. Вместе с тем нарушение условий правомерности причинения вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, при определенных условиях признается преступным, но оно связано с существенным смягчением наказуемости таких деяний.

Еще меньше оснований имеется для объединения (пусть только теоретического) под общим названием «условия безнаказанного совершения лицом преступного деяния» обстоятельств, исключающих уголовную ответственность, обстоятельств, предусмотренных гл. 8 УК РФ, а также назначения наказания по совокупности преступлений, освобождения от уголовной ответственности и наказания и некоторых иных институтов, как это было осуществлено А. М. Смирновым<sup>15</sup>. Указанный автор считает, что все эти самостоятельные институты Общей части объединяет то, что лицо остается «безнаказанным за совершенное преступление»<sup>16</sup>. Однако преступление совершается далеко не во всех перечисленных случаях. Так, не может быть и речи о преступном деянии при малозначительности деяния, невиновном причинении вреда и других обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность, а также обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Противоречивость приведенного подхода в первую очередь связана со стиранием границ в оценке уголовно-правовых последствий преступного и неправомерного поведения.

Отмечая многообразие норм, предусматривающих обстоятельства, исключающие уголовную ответственность, следует признать, что серьезным пробелом уголовного закона является отсутствие нормы, регламентирующей непреодолимую силу.

Непреодолимая сила имеет значение для разных отраслей права. В уголовном праве вопрос о ней затрагивается обычно при описании признаков деяния в аспекте отсутствия возможности совершить волевое, а иногда и осознанное деяние. Однако само понятие непреодолимой силы в уголовном праве подробного исследования не получило.

Понятие непреодолимой силы как обстоятельства, освобождающего от ответственности, разработано в науке гражданского права, ему уделяется серьезное внимание и на практике, в том числе при заключении договоров. Под непреодолимой силой в гражданском праве понимают чрезвычайное и непреодолимое при данных условиях обстоятельство, это «событие, которое невозможно предотвратить имеющимися в данный момент средствами, даже если его и можно было предвидеть, в частности стихийные бедствия, народные волнения и т. п.»<sup>17</sup>.

Характеризуя уголовно-правовое значение непреодолимой силы, отечественные юристы справедливо отмечают, что она лишает человека возможности действовать определенным образом. Так, А. В. Наумов под непреодолимой силой понимает «такое воздействие объек-

тивных факторов (стихийных сил природы, животных, болезненных процессов), в силу которых человек лишен возможности физически действовать. Непреодолимая сила исключает уголовную ответственность потому, что лицо не в состоянии преодолеть препятствия на пути к выполнению лежащей на нем обязанности действовать»<sup>18</sup>.

Непреодолимая сила в уголовном праве характеризуется объективными и субъективными признаками. К объективным признакам относятся источник непреодолимой силы или, иными словами, обстоятельства, которые воспрепятствовали проявлению свободы воли лица, причиненный в результате воздействия непреодолимой силы вред и причинная связь между воздействующим обстоятельством и причиненным вредом. Необходимо установить наличие источника непреодолимой силы и выделить его признаки. Так, источник непреодолимой силы возникает независимо от воли лица и оказывает на это лицо воздействие, которого оно не может избежать. Нельзя признать непреодолимой силой событие, спланированное или спровоцированное самим человеком, который ссылается на него, оправдывая свое деяние.

Следует выделить чрезвычайность события в качестве второго обязательного объективного признака ее источника. Однако при всей многозначности слова «чрезвычайный» несколько неточным представляется установление тождества между чрезвычайностью и неожиданностью. Словарь С. И. Ожегова на первое место среди значений слова «чрезвычайный» ставит «исключительный, очень большой, превосходящий все»<sup>19</sup>. Следовательно, не только необычность, но и интенсивность, особая сила события приводят к тому, что оно лишает человека возможности руководить своим деянием. Что касается неожиданности, то, как представляется, этот признак часто характеризует непреодолимую силу, но все же не является обязательным. Так, можно ожидать стихийного бедствия, но быть не в силах предотвратить его последствия. Для этого может, в частности, не хватить времени, если прогноз сделан незадолго до наступления такого события.

Помимо этого, источник непреодолимой силы характеризуется наличием, т. е. пределами во времени: воздействие обстоятельства должно уже начаться и еще не завершиться. Ссылаться на непреодолимую силу при причинении вреда после завершения события нельзя. В этом случае вред должен оцениваться по общим правилам.

Уголовно-правовое значение непреодолимая сила имеет только в случае, если человек под воздействием ее источника причиняет вред, внешне совпадающий с каким-либо преступлением, предусмотренным Особенной частью УК РФ. Необходимо установить наличие причинной связи между воздействием на человека источника непреодолимой силы и вредом, причиненным общественным отношениям, охраняемым уголовным законом. Только в этом случае можно прийти к выводу о том, что причиненный вред не является преступлением.

Субъективный признак в уголовно-правовой характеристике непреодолимой силы означает невозможность для конкретного лица, находящегося под воздействием чрезвычайного события, проявить свою волю в деянии. Это обусловлено тем, что физические силы, возраст, опыт, навыки, психическое состояние лица индивидуальны.

Частным случаем отражения положений о непреодолимой силе в уголовном законе является ч. 2 ст. 28 УК РФ, предусматривающая невиновное причинение вреда в ситуациях, когда лицо не могло предотвратить последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий.

## Глава 3

# Обстоятельства, исключающие преступность деяния: общие вопросы

### § 1. Основа для выделения обстоятельств, исключающих преступность деяния, в самостоятельный институт Общей части уголовного законодательства

Оживленные дискуссии в отечественной науке уголовного права связаны с вопросом о том, что является основой для обособления норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в самостоятельный институт Общей части. Для ответа на этот вопрос ученые пытались сформулировать их главное отличие от сходных по внешней характеристике преступных деяний, а также выявить, какой признак преступления ими устраняется (общественная опасность, противоправность, виновность). При этом одни авторы считали, что поведение при данных обстоятельствах является в различной степени общественно полезным<sup>20</sup>, другие – общественно опасным, но в силу прямого указания закона не признается преступным<sup>21</sup>, третьи же отмечали, что указанные обстоятельства характеризуют социальная полезность либо целесообразность причинения вреда, а потому и отсутствие как уголовной противоправности, так и общественной опасности деяния<sup>22</sup>. Высказывалась и точка зрения, согласно которой при разных обстоятельствах исключается либо общественная опасность, либо противоправность, либо вина<sup>23</sup>.

Представляется, что правы те авторы, которые сделали вывод о том, что рассматриваемые обстоятельства исключают все признаки преступления: общественную опасность, уголовную противоправность, виновность и наказуемость<sup>24</sup>.

Действительно, не может быть сомнений в том, что указанные обстоятельства исключают уголовную противоправность, поскольку причинение вреда, совпадающее внешне с каким-либо деянием, предусмотренным Особенной частью УК РФ, в силу прямого указания закона не признается преступлением. Следовательно, уже по самому определению законодателя отсутствует уголовная противоправность такого деяния. Признак виновности является производным от уголовной противоправности, он отсутствует, поскольку лицо осознает не общественную опасность, а общественную полезность своего поведения при необходимой обороне, задержании лица, совершившего преступление, обоснованном риске либо вынужденность своего деяния, причиняющего вред, и его направленность на спасение более ценного блага при крайней необходимости, физическом или психическом принуждении. Но деяние, не являющееся уголовно-противоправным и виновным, не может повлечь наказание лица, его совершившего, что обуславливает исключение наказуемости таких деяний.

Сложнее определиться с наличием или отсутствием общественной опасности поведения при обстоятельствах, предусмотренных гл. 8 УК РФ. Следует согласиться с А. В. Наумовым, что причинение вреда при рассматриваемых обстоятельствах «компенсируется социально полезными последствиями совершенного деяния для интересов личности, общества и государства»<sup>25</sup>. Действительно, осуществляется правомерное поведение, направленное на спасение какого-либо существенного социального блага. Так, при необходимой обороне путем причинения вреда посягающему осуществляется защита жизни, здоровья, законных интересов личности, общества, государства. При крайней необходимости деяние, вынужденно причиняющее вред менее ценному блага, направлено на спасение более ценного блага.

Однако, не являясь общественно опасным, правомерное поведение далеко не всегда может быть признано общественно полезным. Анализируя социальную и правовую характери-

стику правомерного поведения, В. Н. Кудрявцев признал типичность его социальной полезности, отметив, что такой вывод все же не распространяется на каждый случай такого поведения. В ряде случаев государство, признавая деяние правомерным, «опирается на комплексную, всестороннюю характеристику соответствующего явления; наряду с прямыми и ближайшими социальными последствиями поступка принимаются во внимание и его косвенные, побочные результаты и различные аспекты»<sup>26</sup>. В силу этого в обществе на протяжении довольно длительного времени могут существовать правомерные поступки, которые не являются общественно выгодными. Подобный вид правомерного поведения получил название социально допустимого или общественно приемлемого<sup>27</sup>.

Специфическая общая основа, обусловившая выделение рассматриваемых нормативных положений об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, предопределила и особенности их правовой природы. Думается, что не следует относить анализируемые нормы к поощрительным, как это делает целый ряд авторов<sup>28</sup>. Кстати, сторонники данной точки зрения к поощрительным относят разные по своей правовой природе нормы: о необходимой обороне, крайней необходимости, условно-досрочном освобождении, условном осуждении, добровольном отказе от совершения преступления и т. п. В качестве связующего звена при таком объединении норм выделяется поощрение как метод воздействия на лицо. Оно должно применяться, как отмечал Ю. В. Голик, «когда наказание становится явно неэффективным... либо тогда, когда наказание уже сыграло свою роль»<sup>29</sup>. Таким образом, при указанном перечислении норм происходит объединение преступного и неправомерного поведения, а при раскрытии понятия поощрения речь уже идет о наказании, которое служит реакцией лишь на преступление. Термином «поощрительные нормы» правильнее было бы охватывать лишь воздействие на лицо, совершившее преступление, например, в случае деятельного раскаяния, что имеет место при обязательном смягчении наказания в порядке ст. 62 УК РФ.

Вызывает возражение и отнесение положений об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, к нормам, допускающим компромисс в борьбе с преступностью. Такая позиция, предложенная Х. Д. Аликперовым, позволила этому автору объединить в одну категорию нормы о необходимой обороне, крайней необходимости, добровольном отказе, давности привлечения к уголовной ответственности, освобождении от уголовной ответственности, предусмотренном нормами Особенной части УК РФ<sup>30</sup>.

Обосновывая свою концепцию, Х. Д. Аликперов отмечал, что (при наличии этих обстоятельств) сталкиваются «по крайней мере два общественных интереса, охраняемых уголовным законом, один из которых законодатель разрешает при наличии определенных условий считать правоприменителю приоритетным в интересах целей уголовно-правовой борьбы с преступностью»<sup>31</sup>. Столкновение правоохраняемых интересов и причинение вреда, безусловно, характерно для обстоятельств, исключающих преступность деяния, но вряд ли правомерно считать, что признание деяний неправомерными осуществляется в рамках компромисса, что затушевывает социально полезный или социально нейтральный характер анализируемых обстоятельств. Помимо этого, следует учитывать, что компромисс заключается с виновным лицом, а человек, действующий, например, в состоянии необходимой обороны, таковым не является.

Неверной является точка зрения о том, что при этих обстоятельствах имеются основания для освобождения от уголовной ответственности. Природа указанных обстоятельств характеризуется причинением вреда правоохраняемым интересам при отсутствии преступности деяния, поэтому основания для уголовной ответственности отсутствуют. Освободиться же от уголовной ответственности могут только лица, совершившие преступление.

Следует согласиться с позицией авторов, которые относят эти нормативные положения к управомочивающим. Такую точку зрения высказывала, например, С. Г. Келина, отмечая, что «законодатель дает право на необходимую оборону, обоснованный риск, неисполнение неза-

конного приказа и т. д.»<sup>32</sup>. В. П. Коняхин, в частности, также признал управомочивающий характер анализируемых предписаний, закрепленных в Общей части УК РФ<sup>33</sup>.

Необходимо отметить, что нормы гл. 8 УК РФ характеризуются своеобразием, связанным с тем, что в отличие от большинства управомочивающих положений Общей части УК РФ они наделяют правами всех, а не только должностных лиц органов дознания, следствия и суда.

Эти нормы играют важную роль в отграничении преступлений от не являющегося преступным поведения человека, вынужденно причиняющего разрешенный уголовным законом вред, и стимулируют общественно полезное и социально допустимое поведение, поскольку деяние, несмотря на причиненный вред, не признается преступлением.

## **§ 2. Понятие и система обстоятельств, исключаящих преступность деяния**

Название гл. 8 УК РФ «Обстоятельства, исключаящие преступность деяния» было заимствовано из теоретической модели уголовного закона, созданной отечественными юристами в 80-х годах прошлого века<sup>34</sup>. Ранее в науке уголовного права были распространены разные термины: «обстоятельства, исключаящие уголовную ответственность»<sup>35</sup>; «обстоятельства, исключаящие общественную опасность деяния»<sup>36</sup>; «основания, уничтожающие преступность деяния»<sup>37</sup>; «обстоятельства, исключаящие общественную опасность и противоправность деяния»<sup>38</sup>. Несмотря на такие различия, причинение вреда, не являющееся преступлением и разрешенное уголовным законом, в отечественной доктрине традиционно рассматривается как обстоятельство (или основание), что отражено и в действующем УК.

Однако такой подход не является безупречным, поскольку под обстоятельством следует понимать не само поведение, а обстановку, события, влияющие на поведение человека. Так, в словаре С. И. Ожегова следующим образом поясняется термин «обстоятельство»: «явление, сопутствующее какому-либо другому явлению и с ним связанное. Условия, определяющие положение, существование кого-нибудь, чего-нибудь, обстановка»<sup>39</sup>. Вместе с тем в нормах гл. 8 УК РФ определяется не только обстановка, но и параметры поведения человека, которое, несмотря на причинение вреда, не рассматривается как преступление. Это позволило некоторым авторам сделать вывод о неточности названия данной главы УК РФ, с которым можно согласиться. Например, А. И. Трахов отмечал, что «наименование гл. 8 УК не соответствует содержанию, так как речь в ней идет не об обстоятельствах, исключаящих преступность деяния, а о деяниях, совершенных при них»<sup>40</sup>. С. В. Пархоменко в названии своей монографии использовала термин «деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости»<sup>41</sup>. Соглашаясь с социальной оценкой деяний, отметим в дополнение к этому, что рассматриваемые нормы содержат указание не только на деяния, но и на причиненный вред, и именно на последнем в них делается акцент. Таким образом, логичным представляется в качестве возможного варианта более точного названия группы рассматриваемых норм считать «разрешенное причинение вреда при обстоятельствах, исключаящих преступность деяния».

Для того чтобы понять сущность обстоятельств, включенных в гл. 8 УК РФ, полноту и системность ее положений, важно выявить их общие черты или признаки. В доктрине не существует единой позиции в отношении таких признаков и их количества. Так, в одной из своих монографий Ю. В. Баулин выделил восемь общих признаков оснований, исключаящих преступность деяния<sup>42</sup>. Правда, последние два из предлагаемых этим автором общих признаков представляются избыточными, поскольку они характеризуют не столько сами обстоятельства, сколько реакцию на них со стороны уполномоченных на то органов государства.

Н. Г. Кадников выделил три признака обстоятельств:

1) это акты человеческого поведения, осуществляемые в форме действия либо бездействия при определенных условиях;

2) эти действия либо бездействие внешне схожи с признаками общественно опасных деяний, запрещенных уголовным законом;

3) эти деяния законодатель признает правомерными, направленными на защиту охраняемых интересов или на достижение общественно полезных целей, но в некоторых случаях ответственность исключается в связи с отсутствием свободы воли у лица, вынужденного причинить вред<sup>43</sup>.

На признак отсутствия свободы воли стоит обратить особое внимание. Действительно, в гл. 8 УК РФ есть обстоятельства, при которых отсутствует свобода воли, к ним относятся непреодолимое физическое принуждение и исполнение приказа. Однако в гл. 8 УК РФ логичнее было бы предусмотреть только обстоятельства, при которых человек, вынужденно причиняющий вред, осуществляет осознанный и волевой выбор варианта поведения.

Рассматривая систему обстоятельств, исключающих преступность деяния, следует выделить их основные черты, которые могут быть названы модельными и в идеале должны быть общими для них всех.

В качестве первого признака отметим, что при таких обстоятельствах причиняется вред, который внешне напоминает какое-либо преступление, предусмотренное Особенной частью УК РФ. Это может быть вред здоровью другого человека, его правам, уничтожение или повреждение чужого имущества, неуплата налогов и т. п. Характерно, что о причинении вреда речь идет во всех статьях рассматриваемой главы. На внешнем сходстве с определенным составом преступления в качестве обязательного признака обстоятельств, исключающих преступность деяния, обоснованно акцентировали внимание многие специалисты в области уголовного права<sup>44</sup>. Это позволило некоторым авторам сделать спорный вывод о том, что в деянии сохраняются все признаки определенного состава преступления, но исключается формальный признак преступности деяния<sup>45</sup>. Однако это именно внешнее сходство, и при более детальном анализе можно выявить, что всех признаков состава преступления при рассматриваемых обстоятельствах нет: во всяком случае отсутствует вина, поскольку лицо осознает не общественную опасность, а общественную полезность или социальную целесообразность своего поведения по причинению вреда. К тому же вред причиняется при особых обстоятельствах, имеет вынужденный характер, что отражается на своеобразии обстановки и особенностях деяния, а определенные общественные отношения рассматриваемым поведением защищаются.

Во-вторых, вред причиняется поведением человека. Этот признак также должен быть общим, объединяющим все указанные обстоятельства, поскольку речь должна идти только о случаях разрешенного причинения вреда, а разрешать можно только акты поведения, в которых выражена свобода воли человека. Однако очевидным становится, что под такой признак не подпадает вред, причиненный под воздействием непреодолимого физического принуждения, лишаящего человека возможности выразить свою волю в деянии (о поведении в такой ситуации можно вести речь только условно). Иными словами, поведение должно быть осознанным и волевым<sup>46</sup>, т. е. воля может быть выражена в деянии, хотя человек и сталкивается с определенными, нередко серьезными препятствиями и трудностями. Так, человек, причиняющий при задержании вынужденный вред лицу, совершившему преступление, осуществляет осознанный выбор варианта поведения и может руководить им. Более того, его поведение является целенаправленным. Необходимо отметить, что под этот признак не подпадает непреодолимое физическое принуждение, а также исполнение приказа.

В-третьих, согласно положениям уголовного закона, поведение человека не является преступным, на что в ст. 37–42 УК РФ содержится прямое указание. Но какова его социальная сущность? В доктрине чаще всего такое поведение рассматривается как общественно полезное или социально допустимое<sup>47</sup>. Вместе с тем распространение получила и позиция, согласно которой поведение следует признать общественно опасным<sup>48</sup>. С этой позицией трудно согла-

ситься. Хотя такое поведение причиняет вред, носящий, как правило, вынужденный характер, но его социальная сущность выражается в том, что оно приносит существенную пользу, поскольку не только направлено на защиту интересов личности, общества, государства, но и реально способствует спасению этих ценностей.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.